

Его последняя работа на телевидении — «Руанская дева по прозвищу Пышка» вызвала немало споров. Впрочем, как и все предыдущие — «Аргонавты», «Свадьба соек», «Остров погибших кораблей» и более ранние программы — «Бенефис», «Волишебный фонарь», «Аттракцион», которые зрители либо принимали, либо категорически отвергали. Почему? Да потому, что он один из немногих на телевидении, кто еще умеет по-настоящему развлекать. Кинорежиссер Евгений ГИНЗБУРГ — один из членов жюри конкурса актерской песни, проводимого еженедельником «Собеседник» при участии ЦК ВЛКСМ и СТД РСФСР. Мы встретились после того, как стали известны исполнители, прошедшие в финал...

рактуре или в насыщенной, но плохо удовлетворяемой потребности населения в развлечениях? — По чистой случайности. В институте я готовился стать театральным режиссером. Но так случилось, что я попал на телевидение, в отдел массовых жанров, нынче называемый музыкальной редакцией. В тот период я всегда думал: вот я сдам очередную программу, и все это кончится, и наконец настанет жизнь, для которой я себя готовил. Но ничего не вышло. И не потому, что я ничего другого не могу. Во-первых, я сам увлекся, во-вторых, и это главное, к моему имени приклеился яркий режиссер, который умеет делать «развлекаловку». Был момент, когда на «Мосфильме» мне предложили несколько серьезных и интересных сценариев, и я решил перечеркнуть все свое «веселое прошлое». Однако в Госкино сказали: «Да он же тра-ля-ля и больше ничего» — и не дали снимать. Теперь я уже понимаю, что это мой крест. Крест еще и потому, что у нас серьезно заниматься развлечением можно, только совершенно наплевав на здоровье и личную жизнь.

Людей...
Случайных
Помощи
«Без»
Гинзбург: Евгений

— Я отслушал пленки, пришедшие на конкурс. Что могу сказать? Очень много попыток сочинять и петь под Высоцкого, под Галича, под, под... Зачастую конкурсанты это делают плохо: очень похоже, но не пародия. Не смешно, а скорее грустно. И весь ужас в том, что они это делают на полном серьезе. Вообще же я отбирал конкурсантов не столько по тому, что они поют, сколько по тому, как они это делают. И среди них, надо сказать, есть несколько человек с профессиональным даром вокалистов. Но в репертуаре они тоже не самостоятельны. Скажем, кто-то обладает данными, близкими к данным Пиаф или Минелли. А значит, поют в основном их песни.

— Сегодня актерская песня как-то затерялась на эстраде. В телевизионные программы актеров включают, как обезьянок из цирка: они еще и поют! Что это по-вашему — отмирание замечательного направления или все-таки некое временное явление? — Сегодня, обладая слухом, голосом или обаятельной внешностью, очень просто попасть на эстраду. Много появилось ансамблей, певцов. Но их обилие меня в общем-то не радует. Хотя это, наверное, хорошо, когда много. Но совсем плохо, когда все это на одном уровне — уровне всеядности публики и только поп-культуры. Против которой я лично ничего не имею, но почему только она одна?

Между тем в жанре актерской песни много по-настоящему ярких явлений. Каждый из актеров, кто пробует себя в этом жанре, являет как бы собой театр: Гурченко, Фрейдлих, Караченцов. Они придирчиво относятся к выбору репертуара, к тому, что и как делают на сцене, у микрофона, в студии или на телеэкране.

— Евгений Александрович, сейчас вы назвали несколько замечательных актеров. Но согласитесь, что это люди определенного поколения. А молодые поющие актеры, где они? — Их действительно нет на популярной эстраде. Но они есть и успешно работают на другой — концертной, там, где маршруты проходят в основном в провинции и, увы, не выходят на другую орбиту. Актерская песня не популяризируется. Менеджеры, телевизионные редакторы ограничили тем, что есть: тем грубым и дешевым товаром, которым заполнен эстрадный рынок. Так ведь проще работать, когда не надо искать.

Я думаю, что если конкурс актерской песни станет культурным событием, то планка качества должна подняться для всех, кто занимается эстрадой.

— А как случилось, что вы стали заниматься жанром развлекательных программ, кино? Дело в вашем ха-

— Я чувствую, что мы вплотную подошли к трудностям жанра... — Или к его кризису в настоящий момент. Снимать комедийную да еще и музыкальную картину — это трагедия. Нет средств, нет серьезной школы в этом жанре. В результате всерьез о музыкальных фильмах, мюзиклах говорить не приходится, потому что все попытки делать мюзиклы — это либо перепевы давно известного и соревнование в похуже на американские картины. Либо, как у меня, пародии на эту мечту. Я мюзиклов не делаю, я играю в них и сам смеюсь над своей затеей. Другого выхода у меня нет. Здесь очень много компонентов, которые не удается соединить на высоком профессиональном уровне. Скажем, какой мюзикл без американизированного кордебалета? Такой школы хореографов в стране нет. По пальцам можно пересчитать танцовщиков, которые могут заниматься этим жанром.

Есть замечательные композиторы, и возможности их неисчерпаемы. Это я, как мне кажется, доказал в картине «Остров погибших кораблей», музыку к которой писали восемь крупнейших композиторов. Получилось интересно, но никто не оценил ни этого эксперимента, ни того, что они сделали, соревнуясь друг с другом.

— Интересно, сколько стоит производство мюзикла? — На него, как я уже говорил, дают смешотворные суммы. Самые большие деньги были у меня на картине «Рецепт ее молодости» — четыреста шестнадцать тысяч. А самые маленькие — сорок тысяч — отпустили на «Свадьбу соек». Когда на вопрос западного корреспондента, во что обошелся двухсерийный «Остров погибших кораблей», я назвал пятьсот тысяч, он сказал, что либо я гений, либо авантюрист. А я ни то и ни другое. Я просто советский режиссер, который выкручивается. Например, у меня кажущееся обилие массовки. На самом деле это максимум сто человек. Кордебалет — это всего девять актеров балета с как бы танцующей массовкой. А тонущий корабль — это корабль-тренажер, который за мизерные деньги нам дали в Ленинградском порту для съемок катастрофы. Иногда мне кажется, что это никому не нужно: я снимаю, а фильмы продаются на Запад, советскому же зрителю их показывают в самое неподходящее время — полвторого ночи, скажем. Нет отдачи от того, что я делаю. Поверьте, я не кокетничаю. И не оставляю работы потому, что мне присылают из-за границы положительные рецензии, письма, полные благодарности. Картины получают призы на международных фестивалях. Но у нас сохраняется отношение к развлекательному жанру, как к чему-то второстепенному.

— Время действительно сложное. Об этом можно говорить много, но мне не хотелось бы повторять мнения других людей о проблемах нашей жизни. А какая из них тревожит лично вас больше всего? — Национальный вопрос. Мне кажется,

что сейчас ситуация всеобщей напряженности и озлобления (понятно, что люди доведены) идет в сторону разжигания национальной вражды. Я был потрясен, что на Западе, куда я впервые выехал год назад, меня называют русским. Я поправлю: «Простите, я еврей». «В каком смысле?» — спрашивают. Отвечаю: «В прямом». «Ну и что? Все, кто приехал из СССР, — русские».

А потом я снимал сюжет на Арбате. И должен сказать, что там я ожидал серьезной расправы над собой, когда снимал, как митингует общество «Память». Дама, произносившая монолог, заявила, что она не желает, чтобы всякая дрянь ее снимала. Им было неважно, кто с камерой — еврей или американец, главное, что инородец. А вспомните кошмарные события в Фергане, Молдавии, Баку. Они, я думаю, были спровоцированы и спровоцированы не случайно. Кто это делает и ради чего?

— А вы думаете, что час красивой сказки в кино после бесконечных очередей — это не вранье? — Сказка сказке рознь. Талантливые и добрые сказки — они всегда притчевы, в них глубоко запрятаны проблемы ответственности и несоответствия, реальности и фантазии. Андерсен вечен. Потому что он добр, потому что он хочет добра, потому что он активно его хочет. Другое дело, когда сказка — это «Кубанские казаки». Но не о таких сказках я говорю. И не о развлечениях типа дискотеки. Она должна быть, наверняка. Но в нее надо привнести человечность. Как-то я попал на дискотеку, на рок-фестивале в Швейцарии. И был удивлен тем, что не увидел там стада. Не увидел потной, плохо пахнущей массы, которая топчет, гогочет, свистит. Там танцевали веселые, красивые, хорошо одетые люди: молодые, пожилые. Они улыбались, и было видно каждого. Я все понимаю: живут они иначе, проблемы у них другие... Но ведь как у нас — это же не развлечение.

— То есть, желая развлекаться, мы не умеем этого делать? — Летом я пошел на грандиозные концерты в Лужники, которые устраивал Стас Намин. Пошел, как это часто бывает, с камерой. Я выдержал час и сбежал оттуда, а материал, который снял, разманил. Я снимал публику на поле: злые, агрессивные лица, молодые люди, которые бьют друг друга морды, бросают бутылки... И дело тут совсем не в роке. Дело в полном отсутствии культуры и — как следствие этого — неумении развлекаться.

— Если честно, то учиться развлекаться при отсутствии индустрии развлечений — негде. Разве что у телевизора? — Совершенно верно: сегодня телевизор, как камин, собирает людей каждый вечер вместе. Но этот камин не работает, он не согревает уставших людей, потому что конкурсы, бесконечные концерты поп-музыки никак не удовлетворяют потребности людей в отдыхе у экрана. Это стало просто жвачкой, бытовым фоном. А ведь все может быть иначе при разнообразии, сбалансированности вечерних программ. Лучшее время несомненно должно отдаваться развлечениям — комедиям, детективам, музыкальным программам.

— Но считается, что наше телевидение по сравнению с телевидением других стран — просто университет культуры. — Верно, не все смотрят этот университет и не будут его смотреть, если не сбалансировать программы, не найти ходы к каждому из тех, кто находится по другую сторону экрана. Но этим никто серьезно не занимается. Безусловно, какой-то процесс движения на телевидении наблюдается, но он идет крайне медленно. И происходит это не случайно. Бывший председатель Гостелерадио Лапин многое «сделал» для телевидения, но самое страшное, что он сделал, — он почти уничтожил профессию режиссера. В результате сегодня этим занимаются люди, да простят меня коллеги, большей частью случайные.

— На ваш взгляд, могут ли конструктивные предложения по улучшению работы телевидения быть реализованы? — Не все идеи, как показывает мой профессиональный опыт, реализуются на ЦТ. Но вот примерно полтора года назад такая возможность у нас появилась в киноместе Ролана Антоновича Быкова, где была создана Ассоциация авторского телевидения (АТВ). Это пока не альтернативное телевидение и не кооператив, а хозрасчетное предприятие. Его организовали журналист Кира Прошутинская и режиссер Анатолий Малкин. Интересные идеи телепублицистики, рекламы, развлечения, остающиеся за бортом планов ЦТ, реализуются здесь. На АТВ снимают то, что хотят. Просто идеал свободы творчества, свои работы АТВ показывает раз в месяц в молодежном канале телевидения, в программе прессклуб. За это время сделаны «Маленькие трагедии» о Ю. Любимове (реж. А. Михайловский), о Михаиле Жванецком (работа А. Денисова и Р. Мамедова), в производстве находится картина о спортсменах, уехавших за рубеж. Ну а я приступаю к съемкам мюзикла по Вольтеру, его условное название «Простодушный». И делаю это в «Экране» совместно с киноместом Быкова и АТВ. Но я убежден, что одних усилий АТВ и подобных творческих организаций недостаточно для того, чтобы нас умело развлекали и мы научились развлекаться. Все-таки это прерогатива государства. И государственная политика в таком социально важном вопросе должна осуществляться без помощи случайных людей и сомнительных дельцов. Может быть, надо приглашать специалистов с Запада. Пускай учат, работают. Но должна же начаться школа...

Беседу вел
Марина Райкина.

